

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желанья не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее

АЛЛА
ПОЛНСКАЯ

ВДВОЕМ
ПРОТИВ ЦЕЛОГО
МИРА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Полянская, Алла.

П54 Вдвоем против целого мира / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-098479-4

То, что нас не убивает, все равно убивает. Какую-то часть души, которая уже никогда не станет прежней... Соня Шумилова сразу решила: она пойдет на бал, устраиваемый ее другом детства Дариушем. Можно забыть о том, что случилось двадцать лет назад, ведь тогда они были детьми и, наверное, не отдавали себе полного отчета в своих поступках. Жестокие шутки Дарика и его подруги по прозвищу Танька-Козявка, жертвами которых стали все члены их дачной компании, давно остались в прошлом, и это приглашение на бал — явное тому доказательство... Как выяснилось, Соня сильно ошибалась! Дарик и Танька лишь усовершенствовали свои злые розыгрыши, доведя ими Соню до крайней точки! Но, как бы ни была она зла на бывших друзей, она никогда не решилась бы на убийство. А кто-то решился — тело Таньки-Козявки нашли на поляне рядом с Сониной дачей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098479-4

**Copyright © PR-Prime
Company, 2018**
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Если отбросить невозможное, то, что останется, и есть истина, какой бы невероятной она ни казалась.

Сэр Артур Конан Дойл

1

Дождь, начавшийся внезапно и грозно, внезапно и бесславно закончился, но город за окном ощутил облегчение — улицы пахли мокрым асфальтом, а деревья и газоны сияли свежей зеленью. Соня, закрыв глаза, блаженно покачивалась в плетеном кресле, вдыхая запах лета. Аромат цветущей акации вливался в комнату, наполняя Сонину душу предвкушением счастья. И хоть знала она, что никакого особенного счастья не предвидится и все поезда, самолеты и прочие транспортные средства, вильнув хвостом, умчались в голубые дали без нее, — но вот цветет акация, и в душу приходит ощущение, что не все еще потеряно, что все будет хорошо и даже лучше.

Сквозь ресницы Соня смотрит в окно, ей тепло, уютно и лениво. И только Анжелка дергает ее по пустякам, пытаясь вытащить из нее какие-то эмоции, но они спят глубоким сном, потому что вечер, лето, прошел дождь и вообще неохота фонтанировать.

— Неужели ты туда пойдешь?!

Анжелке не сидится на месте. Вся она — маленькая, по-девчоночьи легкая и подвижная, напоминает Соне птицу колибри. Такая же яркая

и не имеющая очевидного практического применения. Но колибри существует в природе для нужного и ответственного, хоть и не очень заметного для обывателей дела — она пьет нектар, опыляет цветы и поедает всякую тлю. Так и Анжелка. Она цветов, конечно, не опыляет, но ест — точно как колибри, скачет по комнате, размахивая руками, и Соня удивляется — ведь столько лет, а она прежняя, только ногти научилась красить отменно.

— Почему нет?

— Столько лет прошло! Зачем тебе это? — Анжелка останавливается перед ней и хмурится, глядя на подругу. — Софья! Ты меня слышишь?

— Тебя трудно не услышать. Что ты хочешь от меня, ребристое чудовище?

— Тысяча лет прошло с тех пор, как вы в последний раз виделись. Зачем ты туда пойдешь?

— Именно потому и пойду.

Анжелка возмущенно фыркнула и достала сигареты, опасно косясь на Соню. Она знает, что курить нельзя, Соня не позволяет курить в своем доме, но сейчас окно открыто, и фактически она будет курить на улице. Если сесть на подоконник, как раз и оказываешься как бы за пределами дома.

— Свалишься вниз — купи в ларьке кока-колы.

Анжелка презрительно повела загорелым плечом — юмор у Сони совершенно черный. Четвертый этаж все-таки, какая там кола. Но это их обычный ритуал, который никак не влияет на их отношения, давно устоявшиеся. Анжелкин муж, тишайший Алик Рыбкин, находящийся целиком под влиянием активной и эмоциональной супруги, иногда позволяет себе ужасаться их обоюдным

бездушным комментариям всего на свете, но что это меняет?

— Дариуш решил выпендриться? — Анжелка выпустила за окно облачко дыма. — Соня, очнись. Зачем ты туда едешь?

— Мне любопытно.

Она вздохнула и посмотрела на Анжелку. Ей не хотелось спорить, не было ни настроения, ни предмета для спора — она для себя уже все решила. Их друг детства Дариуш Андриевский устраивает летний бал в своем замке, построенном там, где прошло их детство, и Соня с Анжелкой тоже приглашены. Конечно же, Анжелка презрительно фыркнула и отказалась, а Соня решила пойти. От чего нет?

Она сама себе лгала и знала, что лжет.

Ей не нужен никакой бал, она заранее знала, что будет чувствовать себя там как корова на льду, но Дариуш ее позвал, и она должна пойти. Просто чтобы увидеть его. Через столько лет — наконец увидеть.

— Я ведь знаю, почему ты хочешь пойти.

Анжелка хищно прищурилась, уставившись на Соню своими безжалостными темными глазами. Соня поняла, что она видит ее уловки насквозь, но спорить не хочет, да и отвечать нечего. Все уже решено, о чем тут спорить.

— Сонь, прошло почти двадцать лет. Может, хватит фигней страдать?

Может, и хватит, но Соня думает о Дарике и понимает, что ведет себя как дура. Ну что она для него? Она и раньше ничего для него не значила, а уж теперь-то. А вот пойдет она на этот его бал, у нее

даже платье есть. Но Анжелке она этого не скажет, конечно. Анжелка захочет увидеть ее наряд, а Соня пока не решила насчет него окончательно. Платье из синей органзы и бархата — длинное, с открытыми плечами и пышной юбкой, к нему полагаются перчатки, доходящие до локтей, и туфли на каблуках — Соня никогда не носила ничего подобного, и туфли на каблуках не носила, ей некуда было наряжаться, а на каблуках она может только стоять, но она несколько раз надевала платье и туфли и смотрелась в зеркало, замирая от восторга и страха. Вот так она выйдет из своей старенькой машины, и...

Она не знала, что будет дальше. Может, и ничего — но она всегда придерживалась мнения, что жалеть о содеянном разумнее, чем о не сделанном. А потому она пойдет на бал — Анжелка права, прошло без малого двадцать лет, все уже стали другими. Мало ли что было в детстве, смешно вспоминать старые обиды. Конечно, обиды никогда не делись, но между ними и нынешней жизнью стоят годы. Все меняется. Не меняется только присутствие Анжелки в ее жизни, и Соня до сих пор не знает, зачем той нужно общаться с ней. У них нет ничего общего, кроме воспоминаний, причем не самых счастливых, но ей иногда кажется, что Анжелка зачем-то взяла над ней шефство, да так и оставила себе эту обязанность, хоть она ей и самой не в радость. А для чужих — они типа дружат.

— Ну что ты молчишь?!

— Анжел, что ты хочешь от меня услышать? — Соня качнулась в кресле. — Я не знаю, что тебе ответить, кроме уже сказанного. Не хочешь — не

ходи, но меня пилить не надо. Может, я тоже не пойду, передумаю в последний момент. Но я все равно на выходные собиралась туда поехать, цветы полить, сверчков послушать. Я устаю от города летом, ты же знаешь.

Они замолчали, глядя, как за окном сгущаются сумерки. Сверчки — это аргумент, в городе сверчков нет.

* * *

Этот сон обычно приходил к нему под утро. Он всегда знал, что снова окажется на лугу за бабушкиным домом, и две тоненькие фигурки скроются в лесу — Анжелка в своем неизменном красном сарафане в горох, и Лиза, одетая в синее платье в белых ромашках. И он будет звать их, но его крик увязнет в жарком густом воздухе, наполненном сладковатым ароматом скошенной накануне травы. Во сне он всегда знал, куда идут девчонки, как знал и то, что никогда больше не увидит Лизу. И никто больше ее не увидит.

Но во сне он не понимал, что спит, и ужасался своему невесть откуда взявшемуся знанию. И всегда просыпался в этот момент.

И сегодня проснулся.

— Владик, иди завтракать.

Солнце освещало комнату причудливыми пятнами, пробиваясь сквозь ветви акации, растущей за окном. Он полежал, не двигаясь, пытаясь удержать воспоминание, посетившее его во сне, но уже знал, что снова забыл нечто важное, и досадовал на себя — ведь во сне он не просто вспомнил, он точно знал это важное... Нет, не вспомнить уже.

Мать звенит посудой на кухне — летом она всегда живет здесь. Она любит этот дом так же, как он сам. Они и раньше всегда жили тут летом — мать выращивала цветы, варила варенье, иногда они вдвоем ходили гулять в лес или на Дальние озера. Отца Влад помнил весьма смутно, он ушел от них в какую-то другую жизнь давным-давно, не пожелав взять на себя ответственность за семью. Мама, казалось, уходу отца была рада, и этого никто не понимал, даже бабушка с дедом осуждающе качали головами — не смогла удержать мужика! — а их дочь презрительно улыбалась — вот еще, держать его!

И сейчас, слушая, как она звенит посудой на кухне, он понимал, что рад вот так лежать в своей старой кровати, слушать знакомые с детства звуки и знать, что впереди длинный летний день, который он может провести так, как захочет.

— Доброе утро, мам.

Она повернулась к нему — ее лицо время тронуло осторожно, глаза у нее такие же ясные, как и раньше, а каштановые кудрявые волосы, собранные в пучок бархатной зеленой резинкой, тщательно уложены.

— Давай завтракать, лежебока.

Он улыбнулся и вышел во двор. Цветы, которые мама увлеченно разводила на их огромном участке, разноцветными пятнами выделялись на зеленой траве — мать разбросала клумбы по всему участку, и они выглядели яркими островками, случайно выросшими посреди газона — но за этими островками ухаживали очень трепетно.

Нет ничего лучше, чем утреннее умывание водой из колодца. Он сам натаскал ее и слил в боль-

шую бочку, установленную под навесом, вода тяжелая, прозрачная, пахнет бочкой и листьями, и наслаждение от утреннего умывания невероятное. И снова приходит ощущение покоя и счастья, почти забытое за последний год.

— Владик, ты долго будешь копать?

Он опять улыбнулся. Все так, как было, здесь время остановилось, вот она, мама, — привычная и очень мало изменившаяся, и дом с большими окнами, и за воротами улица с ухоженными заборами и клумбами. Все так, как должно быть.

Завтрак аппетитно пахнет, и Влад ощутил, что проголодался.

— Садись, сынок.

Тарелки тоже знакомые, еще бабушкины — как всегда, безупречно чистые. А стаканы новые, те, что он привез, из толстого стекла с массивным доньшком. Мать налила ему компота, пахнувшего вишнями и смородиной, и он залпом выпил сладковатую жидкость, не холодную и не теплую, а слегка прохладную. Только мать умеет это — накормить его так, как он хочет. И только ей он позволял ухаживать за собой, это как бы само собой разумелось.

— Вкусно. — Он разрезал стейк и вдохнул запах мяса. — Ты всегда знаешь, чего мне хочется.

— Мы слишком давно с тобой знакомы, чтобы мне этого не знать. — Мать улыбается одними глазами. — Ешь, сынок, а после перекопаешь мне дальнюю грядку, я там укропа насею. Будет у нас укропа этого видимо-невидимо, а то ведь без него ни супа не сварить, ни консервации не сделаешь, зачем его покупать, если можно своего насеять.

Это был их всегдашний разговор, и дело даже не в тех копейках, которые приходилось платить за покупной укроп, а просто нравилось матери его выращивать, да он и сам любил эти кудрявые, прямо пахнущие грядки.

— Перекопаю, конечно. Мам, как ты думаешь...

— Соня утром приехала.

Эта фраза упала между ними, как первая дождевая капля в пыль, и повисла такая же тишина, как перед ливнем — вот-вот обрушится стена воды, и все замерло в ожидании бури, которая сломает слабое и больное и укрепит сильное.

— Понятно.

— Что тебе понятно? Девочка питается какими-то растворимыми супами. Нальет кипятка в порошок, и вся еда! Я сейчас упакую корзинку, отнеси ей завтрак и скажи, что я жду ее к нам на обед в три часа. А потом уже копай. Я бы сама сходила, но мы заболтаемся с ней, а у меня дел полно, обед надо готовить.

— Ладно, схожу.

Они давно уже не говорили о том, что произошло много лет назад — Лиза словно была жива, потому что они не произнесли то, о чем думали, а не произнесли, потому что страшно. Если ее тело не нашли, значит, теоретически она может быть еще жива, просто обитает где-то в своем, видимом только ей мире — так же, как тогда, когда ходила по этой улице, грезя наяву, а они все существовали для нее где-то в параллельной реальности, и только Анжелка могла и умела пробиться к ней. Потом Лиза ушла в тот мир, в котором жила, — ушла полностью, и никто не смог найти ее следов, словно

и не было ее. Хотя ее, если вдуматься, здесь в любом случае не было — просто тело, в котором обитал мозг, настроенный на другую волну.

— Спасибо, мам, завтрак вкусный. Грядку я сейчас перекопаю, а ты пока упакуй корзинку.

Он вышел во двор и направился к сараю за лопатой. Ему хотелось подумать, а лучше всего думать во время монотонной работы, не требующей интеллектуальных усилий. Грядка для укропа оказалась очень кстати.

Укроп — отличное растение, в хозяйстве без него никак.

* * *

— Не понимаю, зачем тебе это надо.

Татьяна лежит в шезлонге у бассейна и смотрит на Дариуша из-под полуопущенных ресниц. Ее совершенное тело, загоревшее до золотистого цвета, кажется ненастоящим — не должно быть такого совершенства, это вызов обществу. И тем не менее она здесь и вполне живая. Ее коротко стриженные каштановые волосы оставляют открытым лицо с высокими скулами, огромные глаза цвета дорогого виски осеняют длинные ресницы. Брови взлетают и придают этому лицу высокомерное выражение — или оно правда высокомерное? Дариушу это неважно. Главное — они здесь вместе, и шутки, которыми они обмениваются со старыми друзьями завтра ночью, будут смешить их еще долго.

В этом особая ценность общества Татьяны — она всегда готова поддержать любое, даже самое безумное начинание, если в результате кого-то

можно выставить дураком и всласть посмеяться над удачной колкостью. Злой и наблюдательный ум Татьяны всегда подмечает слабости окружающих, а уж близкие приятели для нее и вовсе как на ладони, какая разница, сколько лет прошло.

— Это будет весело. — Дариуш провел пальцем по плечу Татьяны, в этом жесте не было ничего сексуального или страстного, так трогают статуи в магазине, чтобы понять, из чего они сделаны. — Мы не виделись много лет. Я навел справки обо всех, ты знаешь, каждый чего-то достиг.

— Могу себе представить. — Татьяна презрительно поморщилась. — И чего же?

— Мишка Ерофеев сейчас работает в Министерстве транспорта, должность вполне значительная. Брат его — помнишь, бойкий такой, он младше нас был года на три? Он гонщик-мотокроссер, у него контракт в сборной Германии.

— Надо же...

— Да, прикинь. — Дариуш сел на бортик бассейна и опустил ноги в воду. — Машка защитила диссертацию, преподает в университете прикладную математику.

— Она всегда была книжной молью.

— Она когда-то здорово подтянула меня по алгебре. — Дариуш вздохнул. — Ты же моего старика знаешь, он репетиторов не признавал — давай сам соображай... а тут Машка. В то последнее лето, помнишь, а потом уже... а, неважно. Сейчас Машка — доктор наук, мать семейства и вполне состоялась. Софья — известная писательница, пишет неплохое фэнтези под псевдонимом Ксения Павлова, издается у нас и за границей, и...

— Надо же. — Татьяна опять презрительно сморщилась. — Так и представляю себе эту дуреху — встрепанную, в дурацкой растянутой вязаной кофте.

— Соня мало изменилась, но дурехой в растянутой кофте не стала. — Дариуш тонко улыбнулся. — Это будет весело. Теперь Анжелка — она вышла замуж за успешного бизнесмена, сына владельца сети аптек, но папаша состарился и почти отошел от дел, рулит теперь всем Анжелка, и очень неплохо.

— Она всегда была такая... — Татьяна картинно закатила глаза. — Торговка — это как раз про нее.

— Ну, может быть. — Дариуш поболтал ногами в воде. — Петька и Линка Яблонские не приедут, Линка занимается рекламой, а на досуге рисует картины, недавно выставка у нее была в Израиле, Петька в «Металлинвесте» руководит айти-отделом, оба заняты. Ну, там неожиданностей никаких, они всегда были мотивированы на успех, с такой-то бабушкой, как у них, ничего иного и быть не могло. Помнишь, как Линка на рояле играла? Ну то-то. Упорство у нее всегда было, так и осталось, похоже. А самая огромная неожиданность — это Владик Оржеховский. Помнишь, рядом с Соней жил — дача через забор?

— Белобрысый такой пацан, Соня его за собой постоянно таскала. Мать у него была детский врач, а по жизни просто фурия какая-то, за своего малыша могла убить.

— Да, этот. Представь себе — он делает компьютерные игры, которые покупают крупнейшие мировые игроки на этом рынке. Его новая игра